

Информационный бюллетень НС

**NSDAP/AO : PO Box 6414
Lincoln NE 68506 USA
www.nsdapao.org**

#1129

03.11.2024 (135)

A. V. Schaerffenberg

Невоспетые герои белой расы

Часть 2

Фриц Юлиус Кун

Шестого октября 1958 года Джордж Линкольн Рокуэлл впервые после окончания Второй мировой войны поднял знамя со свастики. В своей автобиографии "*Это время - мир*" бывший командующий ВМС США ясно дает понять, что считал этот день официальным началом американского национал-социализма в постгитлеровскую эпоху. Хотя командор Рокуэлл, безусловно, был самым известным лидером движения в Соединенных Штатах, он не был первым. Были и другие, за двадцать, даже тридцать и более лет до него. Их имена, деяния и судьбы были почти полностью зачеркнуты катастрофой войны, которая встала между их борьбой и его борьбой. Но наиболее запомнившиеся из этих довоенных национал-социалистов принадлежали к явлению, которое антагонистическая пресса неточно назвала "Немецко-американским

Fritz Julius Kuhn

бундом".

Даже сегодня некоторые национал-социалисты, американские и другие, все еще морщатся от смущения при одном упоминании его названия. Они считают Бунд очень плохой ошибкой, которую лучше забыть, прежде всего потому, что он полностью сыграл на руку своим врагам, создав представление о том, что национал-социализм - это всего лишь немецкий заговор с целью захвата США. Но правда, как показал еврейский автор книги "*Нацистское движение в Соединенных Штатах*," была совершенно иной. Будучи по природе враждебным к своему предмету, Сандар Даймонд, тем не менее, дает правдоподобный взгляд на Бунд, в значительной степени (и удивительно) не окрашенный стандартными ругательствами. Это единственная настоящая история этой противоречивой организации. Но даже в этом случае это, по крайней мере, адекватный рассказ о важной части наследия нашего движения.

Более чем несколько товарищей могли бы возразить, что Бунд вовсе не является частью нашего наследия; что его последователи были не более чем близорукими тевтонскими националистами, которые рассматривали "арийца" как синоним слова "немец". Другими словами, они не заботились о всемирном бело-расовом единстве, которое Рокуэлл видел в национал-социализме, и стремились лишь к организации немецких общин в США. Такая интерпретация, согласно достоверному исследованию Даймонда, малоточна. Интересно, что к выпуску книги, спустя более четырех десятилетий после событий, о которых он пишет, его подтолкнуло возрождение "Белой силы" в середине 1970-х годов, сосредоточенное на Среднем Западе в целом и в Чикаго в частности, хотя отнюдь не исключительно. Не упоминая об этой современной борьбе, Даймонд хотел показать с помощью умозаключений, что можно провести параллели с Бундом. Возможно, он был прав. Независимо от того, можем ли мы воспринимать его как чисто национал-социалистическую организацию или нет, Бунд неотделим от нашей исторической, если не вообще идеологической линии, нравится нам это или нет, потому что он не совсем забыт многими американцами, пережившими конец 1930-х и начало 40-х годов. Более того, правда не так ужасна, как предполагают некоторые товарищи.

Тевтонцы и друзья

Американо-германская народная федерация, так она называлась, не была первым проявлением национал-социализма в Соединенных Штатах. Уже в марте 1923 года (за целых восемь месяцев до Мюнхенского путча) флаг со свастикой впервые развевался в Америке на одном из жилых домов в северной части Чикаго. Он был поднят несколькими мужчинами, в основном иммигрантами из голодной послевоенной Германии, которые объединились в клуб "*Тевтония*." Их было не более дюжины членов, целью которых было разделить общую любовь к национал-социализму, не более того. Их клуб был, как следует из его названия, только клубом, не имеющим никаких политических целей, кроме сбора небольших сумм денег в качестве пожертвований, направляемых в Германию и на борьбу с Гитлером.

После 9 ноября, после фиаско в Мюнхене, некоторые беженцы от неудавшегося путча прибыли в Америку и присоединились к крошечному собранию чикагских товарищей, которые изменили название группы на *Ассоциацию Тевтония*." К моменту избрания Гитлера канцлером 30 января 1933 года *Ассоциация Тевтония*" насчитывала 500 членов, в основном в Чикаго, Детройте и Нью-Йорке. Именно в это время товарищи по "Тевтонии" добились своего самого счастливого успеха, когда они убедили владельца одного из самых известных ресторанов Чикаго, Red Star Inn, расположенного на Кларк-стрит рядом с Норт-авеню, вывесить на крыше огромный флаг со свастикой в честь триумфа фюрера! Но поднятие этого флага также означало приближение очень серьезной проблемы.

После победы на выборах национал-социалистов на тевтонцев внезапно обрушились тысячи заявок на членство. Не имея формальной организации, которая могла бы удовлетворить огромный приток интереса, ассоциацию пришлось распустить, а на ее месте была создана новая структура, приспособленная для работы с массовым членством: *Друзья новой Германии*. Несмотря на растущий размер, F.O.N.G., как ее обычно называли, оставалась братским институтом немецко-американцев, которые пели дифирамбы Адольфу Гитлеру на пикниках и в пивных. Однако его безобидный характер просуществовал недолго.

В начале апреля Американский еврейский конгресс и организация "Бнай Брит" объявили общенациональный бойкот всем немецким магазинам в США, даже если их владельцы были американцами на протяжении многих

поколений. Евреи требовали: "Не покупайте немецкие товары!". Внезапно в деликатесах, музыкальных магазинах или магазинах игрушек, которые в течение долгого времени были неотъемлемой частью жизни американских мегаполисов, были разбиты витрины, их покупателей называли "фашистами!", а их владельцам угрожали насилием, которое иногда материализовывалось для незадачливого хозяина магазина.

Тем летом евреи и их языческие лакеи устроили масштабное событие для СМИ, арендовав и заполнив огромный нью-йоркский Мэдисон Сквер Гарден. Это была сцена шуточного судебного процесса, на котором Адольф Гитлер и его последователи были обвинены в "преступлениях против человечества". Получив обильное освещение в прессе, по всем основным радиосетям и в голливудских кинохрониках, евреи рассказывали о массовых убийствах и лагерях уничтожения; они катались по полу в неконтролируемых пароксизмах ненависти, брызгая слюной, и снимали свои одежды в лучшем ветхозаветном стиле - и все это за годы до того, как якобы началось осуществление "Окончательного решения". Конечно, это была разминка перед высшим актом еврейской мести - послевоенным Нюрнбергским процессом. С их талмудической одержимостью "законом" никто не удивился ни заочному обвинительному приговору, вынесенному Гитлеру (та же фраза была использована в Нюрнберге и актуальна по сей день, когда евреи обвиняют какого-нибудь восьмидесятилетнего человека в национал-социалистическом прошлом), ни предсказуемому смертному приговору, встреченному с неистовым ликованием гебраистским собранием, как сцена из Пурима. То, что эти истерические процессы происходили после того, как Гитлер находился у власти всего несколько месяцев и более чем за десять лет до того, как должен был начаться фальшивый "Холокост", также не стало сюрпризом для любого, кто знаком с евреями. Фактически, мстительный показательный процесс стал их официальным объявлением войны национал-социалистической Германии. Они публично обещали потянуть за каждую финансовую ниточку, чтобы экономически развалить эту непокорную страну.

Евреи объявляют войну

Главный организатор суда ненависти и представитель антинемецкого бойкота подвел точный итог тому, что делали евреи. Как передала крупнейшая радиостанция Нью-Йорка (WABC) и опубликовала на следующий день (7 августа 1933 года) газета *The New York Times*, Самуэль Унтермайер,

президент *Всемирной еврейской экономической федерации*, провозгласил: "И так история будет повторяться, но это не является причиной, по которой мы должны допустить возвращение некогда великой нации к темным векам или не спасти эти 600 000 душ (евреев) от мук ада, так как мы можем действовать с помощью наших христианских друзей, если у нас есть желание действовать. Каждый из вас, как еврей, так и язычник, кто еще не вступил в *эту священную войну* (курсив автора), должен сделать это здесь и сейчас. Недостаточно того, чтобы вы не покупали товары, произведенные в Германии. Вы должны отказаться иметь дело с любым торговцем или владельцем магазина, который продает товары немецкого производства или покровительствует немецким кораблям или судоходству. То, что мы предлагаем, и то, в чем мы уже далеко продвинулись, - это проведение чисто оборонительного экономического бойкота, который подорвет гитлеровский режим и приведет немецкий народ в чувство, уничтожив его экспортную торговлю, от которой зависит само его существование. В заключение позвольте мне еще раз поблагодарить вас за этот сердечный прием и заверить вас, что при вашей поддержке и поддержке *миллионов наших друзей-неевреев* (курсив автора) мы вобьем последний гвоздь в гроб фанатизма и фанатизма!".

Ненавистнический тон разглагольствований Унтермайера о смерти и разрушении очевиден даже в печатном виде, без использования возбужденного, высокого носового голоса этого человека. Агитируя за гибель Германии на столь раннем этапе игры, он активно выполнял "*Протоколы сионских старейшин*," в которых говорится: "Мы должны быть в состоянии ответить на любой акт оппозиции войной с соседями ("нееврейскими друзьями" Унтермайера) той страны, которая осмелится выступить против нас" (пункт 3, Протокол VII). Когда экономическая агрессия окончательно трансформировалась в военную, как это всегда бывает, декларация Унтермайера 1933 года от имени мирового еврейства не была забыта. Морис Л. Перлцвейг, глава британской секции *Всемирного еврейского конгресса*, ликовал: "*Всемирный еврейский конгресс* уже семь лет находится в состоянии войны с Германией!" (*Toronto Evening Telegraph*, 26 февраля 1940 г.) Ему вторил Джеффри Мандер в лондонской *Jewish Standard* от 7 апреля 1941 г., когда он сказал: "Дело евреев во всем мире - это дело, за которое сражаются Великобритания и ее союзники". Нью-Йоркская *Jewish Mirror* в октябре 1942 г. цитировала Людвига Левисона, одного из самых влиятельных людей в мире, как влиятельную фигуру в *Сионистской организации Америки*: "Еврейский народ является символом характера этой

войны. Никто другой. Никто другой. Это альфа и омега, начало и конец всего дела! "

Появление американских штурмовых отрядов

Поскольку американские власти, естественно, не желали защищать немецко-американских бизнесменов от евреев, клич о помощи поступил в F.O.N.G. В ответ на это организаторы создали добровольную службу безопасности - людей в форме, которые несли караульную службу перед угрожаемыми заведениями и распространяли листовки, объясняющие дилемму с точки зрения немецко-американцев. Известная как O.D. ("Ordnungs Dienst", или "Служба порядка"), ее активисты сыграли важную роль в спасении малого американского бизнеса от разорения в период депрессии, одновременно защищая жизнь и конечности от еврейского уличного терроризма.

По другую сторону Атлантики лидеры в Берлине не оставляли без внимания события в Соединенных Штатах. Действия евреев там были предсказуемы, и их удушающий контроль над большинством средств общественной информации был также оценен. Старый N.S.D.A.P.-A.O., офис партии, созданный специально для связи между национал-социалистами внутри страны и за рубежом, возглавлял Эрнст Боле. Родившийся в Англии, он провел свою юность в Южной Африке, после чего в 1923 году поступил в Берлинский университет для получения степени бакалавра коммерции. Вдохновленный драматическими событиями ноября того года, он присоединился к зарождающемуся движению Гитлера, быстро поднялся по служебной лестнице и стал государственным секретарем в министерстве иностранных дел, не в последнюю очередь благодаря своему обширному личному знакомству с миром за пределами Европы, особенно с англоязычными странами. Осознавая, что любые заявления о реальной природе еврейского бойкота, сделанные его ведомством, будут либо замалчиваться еврейскими СМИ Америки, либо извращаться в антинемецких целях, Боле отправил листовки, книги и фильмы в F.O.N.G. Его организаторы предоставили эти материалы в качестве правдивой контрпропаганды против злонамеренной кампании по связям с общественностью, проводимой Унтермайером и его кошерными соратниками.

Боле хотел значительно увеличить объем своих информационных поставок.

Но он был озабочен тем, чтобы такие материалы распространялись внутренними американскими группами. До тех пор, пока его литература и фильмы будут распространяться исключительно через немецкую общину, американцы будут логично полагать, что это не более чем "нацистская пропаганда", и отвергать их как предвзятую точку зрения иностранной державы. Он хотел продемонстрировать доброжелательность и дружеское отношение Новой Германии к Америке. Конечно, в то время действовала и отечественная национал-социалистическая организация - "*Легион серебряных рубашек*." Но ее лидер Уильям Дадли Пелли, уже находившийся под пристальным вниманием ФБР и следственных комитетов Конгресса, решил распространить лишь ограниченное количество берлинских материалов, поскольку не собирался подтверждать обвинения своих врагов в том, что "Серебряные рубашки" являются агентами другого правительства.

В то время как Боле стремился сделать позицию Третьего рейха приемлемой для американского народа, лидеры F.O.N.G. тянули в противоположном направлении. Их усилия были направлены на организацию немецкоязычных общин США, чтобы сделать всех немцев в Америке частью Отечества, а остальное население рассматривалось лишь как второстепенное. Результаты были предсказуемы. Немцы в Америке, как и все иммигранты, сохранили сентиментальные и культурные связи со своей родиной, но во всем остальном они стали американцами в первую очередь и возмущались любыми попытками политизировать их со стороны тех, кого они теперь считали иностранцами. "По сути, немецкие иммигранты и их потомки стали американцами и хотели остаться американцами". Они возмущались тем, что их верность принятой ими стране ставится под сомнение соотечественниками из F.O.N.G.

Большинство не немецко-американцев стали рассматривать национал-социализм не более чем еще одну версию коммунизма, заговор с целью захвата власти; Сталин использовал рабочих, Гитлер - немецко-американцев; это была единственная разница, которую они понимали. Ужаснувшись и возмущившись неблагоприятным изменением мнения, Боле приказал директорам F.O.N.G. изгнать всех немецких граждан, резко сократить поставки материалов в США и выпустил знаменитое публичное заявление:

"Национал-социализм не предназначен для экспорта". *Друзья новой Германии нанесли большой вред репутации этой страны в Америке, играя, как и прежде, на руку своему еврейскому врагу, и Боле надеялся, что они*

скоро распадутся. Действительно, по мере того, как их усилия стали сходиться на нет, а среди лидеров разгорелась междоусобная борьба, дни F.O.N.G были сочтены. Но американский национал-социализм пострадал.

Американцы и Третий рейх, взаимная любовная связь

К счастью, в результате отношения США с Германией резко улучшились, не на правительственном уровне, конечно, но в середине 1930-х годов американский туризм в Германии резко возрос. Как признается Даймонд, "посетители наводнили Третий рейх. Это было лето немецких Олимпийских игр. Пансионаты и гостиницы были заполнены, иностранцы восхищались недавно построенным автобаном и правительственными зданиями в столице. Многие вернулись домой, веря, что дух национал-социализма был не просто порождением пропаганды". Он приводит в пример "поток американских туристов, посещавших Германию. Американцы были знакомыми достопримечательностями в Рейнской области, на Олимпийских играх в Берлине в 1936 году или при посещении знаменитых средневековых городов Ноердлинген или Ротенбург-ан-дер-Таубер. Олимпийские игры закончились 16 августа. Хотя многие иностранные гости покинули Германию, не менее значительное их число оставалось и договаривалось о посещении Дней партии (Reichsparteitag der Ehre, или "День почета партии Рейха"), которые начинались 8 сентября". И, в отличие от политики "железного занавеса" Советского Союза в отношении собственных граждан, "немцы также в большом количестве посещали Соединенные Штаты". Очевидно, что Гитлеру нечего было беспокоиться о дезертирстве. На самом деле, он вскользь упомянул в разговоре за ужином примерно в это время: "Любой, кто хочет покинуть Германию, пусть уезжает. Я не буду стоять у них на пути. Если они недовольны тем, что мы пытаемся сделать, им не стоит здесь оставаться. Дверь всегда открыта".

В то время как еврейский бойкот был побежден его революционной экономической политикой, а Рейх стал культурным магнитом для поклонников со всего мира, заглохший F.O.N.G. получил новую жизнь, к ужасу Боле. *Друзья*, утомленные бесконечными склоками, передали свои полномочия организационному динамо по имени Фриц Кун. Он приступил к работе, распустив F.O.N.G. и заменив его на *Amerikadeutscher Volksbund*, или *Американо-германский народный союз*, более известный впоследствии как Бунд. 29 марта 1936 года 39-летний Кун был избран бундеслейтером

(лидером Бунда), чтобы создать "мощную культовую организацию". Далее Даймонд отмечает, что "в годы правления Фрица Куна американский нацистский Бунд превратился из раздробленной и неэффективной группы в инструмент активного движения. Бизнесмен Кун сумел превратить Бунд из обремененной долгами группы, зависящей от поддержки нацистской Германии, в самокупаемую, приносящую деньги организацию". 55 подразделений функционировали в 7 регионах США. Региональные штаб-квартиры находились в Лос-Анджелесе, Денвере, Далласе, Чикаго, Детройте, Атланте и Нью-Йорке, а десятки небольших подразделений - практически в каждом штате. На собраниях Бунда по всей стране нередко собирались десятки тысяч ликующих последователей. Что за человек мог произвести такую трансформацию?

У лидера "Нового Бунда" есть слово!

Фриц Юлиус Кун родился 15 мая 1896 года в Мюнхене. Когда началась Первая мировая война, он был молодым добровольцем-пулеметчиком в баварской пехоте на Западном фронте. Благодаря своему уму и храбрости он дослужился до звания лейтенанта и получил множество наград за доблесть, включая Железный крест I степени. Капитуляция кайзера высвободила силы воинствующего коммунизма на улицах его родного города, где в 1921 году он вступил в зарождающуюся организацию N.S.D.A.P.. В том же году он поступил в Мюнхенский университет, где изучал химическое машиностроение и распространял информацию среди своих сокурсников, среди которых была и Эльза, его невеста. Будучи участником путча, который провалился два года спустя, он вместе со своей невестой бежал из страны под угрозой ареста и добрался до Мехико. Там они поженились, и у них родилось двое детей, сын и дочь. В течение следующих четырех лет Фриц был успешным химиком, но поступило лучшее предложение от Ford Motor Company, поэтому он перевез свою семью в Детройт и стал натурализованным гражданином. В 1933 году он вступил в организацию "*Друзья новой Германии*" и быстро поднялся по служебной лестнице до должности лидера на Среднем Западе к тому времени, когда директора F.O.N.G. единогласно поставили его во главе своей пошатнувшейся организации.

Лично Фриц Кун отличался крупным телосложением и при росте 6 футов 2 дюйма был похож на медведя, что пугало его врагов. Но его ближайшие

товарищи знали его лучше всего за его мягкие манеры и сентиментальное сердце. Человек, который мог с трибуны реветь против евреев, также плакал каждое Рождество, когда слышал "Тихую ночь", потому что она напоминала ему о доме его юности. Не лишенный ироничного чувства юмора, он однажды послал Мартину Дису, параноидальному консервативному конгрессмену, выступавшему за запрет антисемитизма, бесплатные билеты на митинг Бунда. Прежде всего, Кун отличался яростным чувством верности, честности и правильного поведения в отношении национал-социализма. Как он однажды заявил: "Служба не компенсируется благосклонностью или привилегиями. Только благодаря духу радостного самопожертвования мы победим". Это был старый солдат, ветеран окопов, взывающий к высшим инстинктам своих слушателей. Как признает даже Даймонд: "В целом, его последователи высоко оценили его работу".

Новый лидер Бунда смог оживить движение, американизировав его. Он больше не занимался политизацией в основном неохотно идущей немецкой общины за счет более широкой белой общины. Кун "оплакивал судьбу немецкой Америки; он не мог понять, почему она разрывает родовые корни в пользу еврейской Америки". Вместо нее американцы всех национальностей стали стекаться к свастике. На типичном митинге Бунда в феврале 1939 года выступал оратор-немец Рассел Данн. Его аудитория состояла из 30% англосаксов, скандинавов и славян, 25% ирландцев и 20% итальянцев; едва ли четверть слушателей были немцами. Даймонд пишет: "Те, кто посещал его общественные мероприятия, были в основном не немцами. Все чаще наблюдатели замечали, что собрания посещали антибритански настроенные ирландцы из рабочего класса, русские эмигранты, итальянские бывшие военнослужащие, кофлинцы (последователи чрезвычайно популярного "радиосвященника" Фрэнсиса Кофлина) и представители низшего среднего класса и рабочего класса коренных американцев".

Кун также установил рабочие отношения практически со всеми правыми и расистскими группами в Соединенных Штатах, особенно с "*Легионом серебряных рубашек*," первой в Америке настоящей национал-социалистической организацией: "Часто бундисты маршировали бок о бок с "*Ликторской ассоциацией*" Йозефа Санти, "*Цирколо Марио Моргантини*" Джона Финцио (обе группы были подразделениями *итальянских чернорубашечников*), *украинскими коричневыми рубашками*" и с остатками (sic) "*Серебряных рубашек*" Пелли и "*Американской националистической*

конфедерации" Дитераджа. Американский национал-социализм вступал в свои права и даже предвещал появление многочисленных негерманских подразделений С.С., которые будут сражаться в следующем десятилетии против Советского Союза. Обмен литературой и даже лидерами был обычным делом: "В лагере (Бунда) "Нордланд" в Нью-Джерси часто выступали представители Ку-клукс-клана и Сальваторе Кариди, президент отделения итальянских бывших комбатантов в Северном Гудзоне". Такое цивилизованное сотрудничество резко контрастировало с мелкой язвительностью, которая была характерна для все более бессильного правого крыла в Америке в течение последних 50 лет.

Национал-социализм с человеческим лицом

Но была и другая причина роста Бунда: "Успех Куна был отчасти обусловлен его приверженностью принципу лидерства". Он привил всем членам Бунда тот же фундаментальный принцип, который создал мускулистую, но гибкую организацию N.S.D.A.P.: Абсолютная власть над последователями; абсолютное повиновение лидерам. Такой военный стиль работы был вызван жестоким противодействием бундистов со стороны воинствующих коммунистов и истеричных евреев. Но Бунд был привлекателен не только своими драматическими маршами, митингами и уличными боями: "Многих молодых людей в возрасте 20 лет привлекала братская деятельность Бунда, которая включала в себя всеобъемлющую спортивную программу". К лету 1936 года две футбольные команды Бунда, "Ганза" и "Гамбург", участвовали в турнирах в штате Нью-Йорк. Также существовали команды по теннису, хоккею, плаванию и лыжам. Для тех, кто не участвовал в соревнованиях, Бунд спонсировал лыжные выходные в горах Катскилл. Каждый четверг в девять вечера Бунд проводил "Вечер пива", а для тех, кто не любил алкоголь, - "Час кофе". Напитки и бутерброды были бесплатными, предоставлялись колоды игральных карт и бесплатно демонстрировались фильмы". Были также очень интересные слайд-презентации нового искусства, музыки и архитектуры Третьего рейха.

Пожалуй, наиболее привлекательными были полдюжины просторных кемпингов Бунда, расположенных в красивых природных местах. Среди них были висконсинский "Гинденбург", недалеко от Графтона; пенсильванский "Дойченхорст"; "Нордланд" в Нью-Джерси; "Зигфрид" на Лонг-Айленде в Яфанке и мичиганский "Эфденде" в Понтиаке. Эти обширные владения

были территорией национал-социализма, где архитектура в стиле викингов, разнообразная форма одежды и, прежде всего, общий дух фольклорного сообщества представляли собой мир белых людей *par excellence*. Безусловно, самыми восторженными посетителями бундских лагерей были 600 детей, которые играли и учились в "Гинденбурге" и "Нордланде" с июня по сентябрь 1937 года. Какой у них, должно быть, был "кэмп-аут"! После того, как осенью мальчики и девочки вернулись в свои обычные государственные или церковно-приходские школы, их первые сочинения "Как я провел летние каникулы", несомненно, стали поучительным чтением для их учителей! Даже Даймонд сожалеет, что дети "похоже, наслаждались своим летом", что мягко сказано.

Прекрасные и безупречно чистые лагеря пользовались таким успехом, что приносили дополнительный доход Бунду, который сдавал коттеджи в аренду круглый год. Остальные доходы поступали от взносов, пожертвований сторонников, продажи журналов и рекламы. Среди престижных рекламодателей публикаций Бунда были пивоваренная компания Schlitz, Telefunken Records, Harpag-Lloyd Lines и пароходная компания Hamburg-America. Через несколько месяцев после избрания Куна своим лидером Бунд стал полностью самостоятельным в финансовом отношении. "Он вдохнул новую жизнь в осажденный Бунд, и сделал это без какой-либо помощи со стороны Германии".

Случайная встреча с фюрером

Несмотря на замечательные достижения Куна, Боле все еще беспокоился, что Бунд кажется большинству американцев "слишком немецким" и напоминает, пусть и ошибочно, подрывную ветвь Третьего рейха в США. Кун утверждал, что Бунд, при всем его расширении, оставался тем, чем он был всегда, с первых дней существования *Союза Тевтонии* - клубом, в большей степени братским, чем политическим. Однако у Боле были свои сомнения, и он отказался от официального признания Бунда, который получал литературу от А.О., но не более того. На протяжении всей своей истории отношения Бунда с Германией должны были быть холодно-отстраненными. Национал-социалисты в Германии надеялись развеять любое впечатление о том, что они вмешиваются во внутренние дела других стран.

У ведомства Боле были весьма определенные представления об А.О. и необходимости избегать подозрений за границей: "Ее цель - побудить немцев за рубежом придерживаться строгого уважения к законам и обычаям страны, в которой они являются гостями, и в то же время никогда не забывать о своей родине. *Иностранная организация* (А.О.) помогает всем немцам за рубежом поддерживать связь со своей родиной и отстаивать ее идеалы в повседневной жизни". Боле остро чувствовал, что Бунд, при всей своей американизации, нарушает строгий стандарт, который он установил для А.О. Это иностранное название, *Amerikadeutscher Volksbund*, должно быть отменено ради чего-то, что звучало бы более по-американски. Что касается того, что звучит не по-американски, то нет ничего хуже, чем густой баварский акцент самого Куна. Неужели он не мог найти кого-нибудь другого, кто говорил бы на американском английском?

Но шеф А.О. был очень смущен, если не сказать шокирован, когда увидел в *New York Times* фотографию на первой полосе, на которой смущающийся лидер Бунда дружески беседовал не с кем иным, как с самим Адольфом Гитлером. Ухватившись за пропагандистский подтекст "пятой колонны", враждебные (т.е. еврейские) новостные службы распространили фотографию по всему миру как доказательство международного сговора между Фрицем Куном и его фюрером. Кипя от досады, Боле знал, что евреи извлекают огромную политическую выгоду из этого ужасного промаха, что они и сделали.

Но эта спорная встреча отнюдь не была столь гнусной, как считали во всем мире. Кун случайно оказался в Берлине на Олимпийских играх, когда у него, как и у многих иностранных гостей, в большинстве своем простых людей, была возможность встретиться с Гитлером, которому он подарил иллюстрированную историю Бунда. Фюрер поблагодарил его, они обменялись несколькими любезностями о Мюнхене (родном городе Куна и любимом Гитлером), и через 15 минут беседа закончилась. Какой бы невинной ни была эта встреча, она придала Куну огромный авторитет в США, к большому огорчению Боле. Это также привлекло внимание нескольких правительственных следователей, которые проверяли каждый аспект деятельности бундистов, ища малейшие юридические нарушения, с помощью которых их можно было бы привлечь к уголовной ответственности. Как пишет Даймонд, "проблема, которая стояла перед следователями Маккормака-Дикштейна (и) беспокоила чиновников Госдепартамента, заключалась в том, что бундисты не нарушали никаких

существующих федеральных законов. Обвинение в неамериканизме - это одно, а доказать это - совсем другое. Генеральный прокурор США Гомер Каммингс и директор ФБР Дж. Эдгар Гувер провели расследование внутренних дел Бунда и 5 января 1938 года объявили, что группа не нарушает никаких федеральных законов". Кун считал, что "он должен работать в рамках американской правовой системы, а не против нее".

Митинг в Мэдисон Сквер Гарден

В конце концов, Бунд стал восприниматься гораздо меньшим числом людей как подрывная организация, которой опасался Боле, особенно когда народное негодование переключилось с бундистов на разжигание войны президентом Франклином Рузвельтом. Бунд стал одной из многих патриотических групп, которые громко выступали против его усилий втянуть Соединенные Штаты в военную агрессию против европейских расистов. Резолюция Ладлоу была антиамериканской схемой, энергично продвигаемой Ф.Д.Р. в начале 1937 года для реорганизации федеральной судебной системы, которая могла бы призвать к проведению "национального референдума по объявлению войны", о чем сегодня почти не вспоминают после 50 лет неослабевающей пропаганды, изображающей Гитлера полностью ответственным за Вторую мировую войну. Это означало, что право на объявление войны, указанное в Конституции США как исключительная прерогатива Конгресса, будет передано на усмотрение газетных опросов. Другими словами, если журналистские и правительственные демагоги нагнетают достаточную общественную истерию, американский народ может быть втянут в любую войну под самыми ничтожными предложениями влиятельных групп с особыми интересами и собственными скрытыми планами. Зная, что Конгресс решительно выступает против его желания вовлечь нашу страну в иностранные конфликты, от которых предостерегал Джордж Вашингтон, Ф.Д.Р. искал "черный ход к войне", как описал это один историк. Резолюция Ладлоу была прозрачной попыткой Рузвельта совершить неконституционную и неспровоцированную агрессию против европейцев, которые боролись за освобождение своих народов от международной плутократии, к которой он принадлежал.

Американцы, опасаящиеся "пушки" в Белом доме, стали более серьезно относиться к изоляционистским взглядам Куна, начиная с массового

митинга в Ридинге, штат Пенсильвания, на который собралось 15 000 человек. Еще более многочисленный митинг и величайший публичный триумф Бунда состоялся 20 февраля 1939 года в Нью-Йорке. Madison Square Garden, украшенный колоссальными баннерами со свастикой и увешанный лозунгами Бунда, был заполнен до отказа покупателями билетов со всего штата. Они бурно ликовали, когда сводные духовые оркестры нескольких региональных штаб-квартир заиграли "Песню Хорста Весселя", национал-социалистический гимн. Пока музыка и аплодисменты наполняли большой зал, не менее 3000 штурмовиков в форме О.Д. маршировали в идеальном строю от задней части Мэдисон Сквер Гарден к трибуне, где Фриц Кун обратился к 22 000 слушателей. Рядом с ним возвышалось 30-футовое изображение Джорджа Вашингтона, день рождения которого они праздновали. Это была самая своевременная тема, противопоставляющая знаменитую политику нашего первого президента "никаких иностранных дел" и международные интриги Ф.Д.Р., направленные на еще одну иностранную войну.

Лидер Бунда предупреждал, что банде Рузвельта, состоящей из еврейских спекулянтов, плутократов без расы и коммунистических диверсантов, необходимо уничтожить Третий рейх, потому что Гитлер создал систему, которая сделала немецкий народ экономически независимым от иностранного биржевого влияния. Потеря процветающей Германии была достаточно неприятна для международных денежных воротил. Но и внешние страны начали благосклонно смотреть на эти же идеи. Если бы они распространились на другие страны, то финансовая удавка евреев на весь мир была бы потеряна. И эти другие языческие государства, также пораженные марксистскими волнениями, были дополнительно привлечены национал-социализмом и фашизмом, единственными идеологиями, достаточно сильными, чтобы уничтожить коммунизм. Кун пророчески предупреждал, что если американцы вступят в войну против стран Оси, они могут выиграть ее в военном отношении, но обязательно проиграют в политическом, потому что все зло, очищенное Гитлером, возродится и начнет пакостить Америке. Коммунистическая инфильтрация в правительство США уничтожила бы наши свободы, марксизм проник бы в американскую мысль, а орды негров-дикарей, возбужденных и вооруженных, вызвали бы волну преступности в городах в невиданных масштабах. Как Джордж Вашингтон был отцом нашей конституционной республики, сказал Кун, так Адольф Гитлер является отцом нашего расового национализма. Эти два явления не исключают друг друга. Напротив, они оба

дополняют друг друга, представляя политическую и расовую свободу арийского человечества.

Хотя слова лидера Бунда были произнесены с густым немецким акцентом, который заставил Эмста Боле скривиться от смущения, они были приняты с восторгом. По большей части! Иногда его речь прерывалась коммунистическими шпионами, посланными сорвать собрание. К разочарованию и досаде штурмовиков, члены толпы, разъяренные этими явными марксистами, быстро избивали красных в кровавые клочья, прежде чем встревоженные люди из О.Д. успевали наложить на них руки. К счастью, их шанс представился ближе к вечеру: "Один человек, Изадор Гринбаум, прорвался сквозь строй людей из ОД, охранявших Куна, и попытался напасть на бундеслейтера. Охранник навалился на Гринбаума и утащил его со сцены". Они сделали больше, чем это. Избив его почти до потери сознания, они сорвали с него брюки и даже трусы, а затем бросили его с голым торсом на глазах у 22 000 зрителей, которые разразились какофоническим хохотом, глядя на де-пантованного кика. Гринбауму позволили выбежать из зала с поджатым хвостом и выйти на зимний воздух Нью-Йорка.

"Миллион членов в 1940 году!"

Мэдисон Сквер Гарден прошел полный круг после суда по делу о ненависти к евреям, состоявшегося шесть лет назад. Его массовый митинг там представлял собой пик активности Бунда. Среди нескольких транспарантов с буквами, которыми был задрапирован огромный зрительный зал, один гласил: "Миллион членов в 1940 году!". Возможно, эта цель была недостижима для Фрица Куна, но сколько последователей Бунд привлек на самом деле? Странно, но никто точно не знает. Перед официальным участием США во Второй мировой войне списки членов Бунда были, предположительно, уничтожены самими бундистами, предвидя антинацистскую охоту на ведьм со стороны федерального правительства. Даймонд пишет, что штурмовики О.Д. составляли одну десятую часть от общего числа членов. Учитывая это, мы можем приблизительно предположить, что численность Бунда в Мэдисон Сквер Гарден принадлежала к региону Новой Англии, а также дополнительным лицам из других штаб-квартир к востоку от реки Миссисипи. Еще от 1 500 до 3 000 человек составляли остальные подразделения. Принимая низкую цифру в 4

500 человек, мы получаем приблизительную цифру в 45 000 членов Бунда. Это были активисты с удостоверениями, в минимальные обязанности которых входила уплата взносов, посещение собраний и распространение литературы.

Помимо членов были незарегистрированные сторонники, сочувствующие, которые вносили свой вклад в движение различными, нерегулярными способами. Таких людей было, вероятно, около четверти миллиона, поскольку на каждого члена приходилось примерно пять сторонников; даже это консервативная оценка. Что касается тех людей, которые благосклонно относились к Бунду и которые могли проголосовать за кандидата от Бунда на выборах, если бы им была предоставлена такая возможность, никто не может знать с уверенностью. Но, несомненно, несколько миллионов американцев, возможно, от пяти до десяти миллионов, исходя из приведенных выше цифр, отдали бы свои голоса за Бунд. Такая широкая поддержка и активность в Америке навсегда отменяет расчетливую ложь о том, что национал-социализм никогда не пользовался здесь популярностью. Но то, что евреи говорят общественности, и то, что они обсуждают между собой, - две совершенно разные вещи.

Крича через захваченные ими средства массовой информации, что Бунд - это неамериканский "троянский конь", посланный Гитлером для захвата Соединенных Штатов, они знали, что этот обман быстро устаревает в свете огромного числа сторонников Бунда и гораздо большего изоляционистского недовольства милитаризацией Ф.Д.Р.. Голливуд и газетная пропаганда не могли остановить растущую волну народной оппозиции их планам. Их слуги в ФБР и следственных комитетах Конгресса не смогли закрыть Бунд на законных основаниях.

Судебный процесс и тюремное заключение

Евреи, которые никогда не были народом, которого можно было бы отвлечь простыми языческими законами, без промедления перешли к следующему шагу против Бунда - подрыву его изнутри. Устроив весьма успешное массовое собрание в самом центре еврейского Нью-Йорка, лидер Бунда проявил больше наглости, чем они могли выдержать. Спустя всего два месяца после митинга в Мэдисон-сквер-гардене окружной прокурор города, политически амбициозный Томас Дьюи, обвинил его в подлоге и хищении.

Дьюи надеялся заручиться поддержкой евреев в своей предстоящей президентской кампании, распяв их врага. По иронии судьбы, суд над Куном начался 9 ноября, в годовщину Мюнхенского путча, в котором он участвовал 16 лет назад. Это снова должно было стать периодом самопожертвования.

Куна представлял опытный итало-американский адвокат: "Защита Саббатини была превосходной, и некоторое время казалось, что Дьюи не выиграет дело. Обвинительные заключения Саббатини разьедали обвинительные заключения". Основные обвинения против Куна, включая его предполагаемое присвоение 14 548 долларов, полученных от февральского митинга, были сняты. "В конце концов, дело остановилось на утверждении, что Кун не заплатил гонорар в размере 500 долларов адвокату, который защищал шестерых бундистов в деле Германо-американской расчетной лиги в предыдущем году". Обвинение было ничтожным, но обвинение "попыталось убедить присяжных, что хотя Кун утверждал, что заплатил гонорар, на самом деле он украл деньги (паршивые 500 долларов?!) и подделал сумму в бухгалтерской книге. До самого конца Кун отстаивал свою невиновность".

Действительно, его спартанский образ жизни и значительные сбережения за годы работы ценным химиком делали предполагаемую кражу столь незначительной суммы денег смехотворно противоречащей реальности. Более того, вся жизнь Куна была связана с Бундом. Как отметил Саббатини, ничто в жизни этого человека не указывало на его нечестность или неподобающее, а тем более преступное поведение. Напротив, он последовательно жертвовал собой ради своей страны в Первой мировой войне, рисковал жизнью во время Мюнхенского путча, после чего полностью отдал себя семье и не менее искренне - Бунду. Ни у него, ни у его жены не было ни большого дома, ни дорогих машин, ни крупного счета в банке, ни каких-либо роскошных вещей. Но это был, в конце концов, Нью-Йорк накануне войны против Гитлера, о которой так долго мечтали евреи. Итак, 5 декабря Фриц Кун был признан виновным и приговорен к заключению на срок от 2,5 до 5 лет в тюрьме Синг-Синг.

Конец бунда

Когда японцы напали на Перл-Харбор, Бунд добровольно распустился. Это была самая мрачная эпоха для американских национал-социалистов. Они не

только были вынуждены молчать, в то время как массы их соотечественников с ликованием трудились, сражались и иногда умирали, чтобы убить своих белых собратьев в Европе и разрушить их культуру Старого Света. Они наблюдали, как вся их тяжелая работа, мечты, победы и надежды последних шести лет испарялись в военной истерии. Хуже всего то, что бундистам пришлось стать свидетелями краха Третьего рейха и отвратительного триумфа мирового еврейства через его легионы язычников-дурачков. Свет беспрецедентной эры арийской расовой общности и обещание новой белой цивилизации исчезли. Отныне упадок Запада будет тянуть американское общество к внутреннему разрушению теми самыми силами, против которых так долго предостерегали бундисты. Это было начало конца света, и они это знали. В течение некоторого времени это было слишком тяжело. Преодолев отчаяние, Джордж Фробозе покончил с собой 16 июня 1942 года.

Печальная судьба Фрица Куна

Фриц Кун тоже хотел умереть. Он томился в федеральной тюрьме, забытый внешним миром и презираемый как охранниками, так и заключенными. Даже его жена Айза и дети уехали, репатриировавшись в Германию. Ни один человек не был более одинок. Во время заключения его лишили гражданства, а после войны депортировали. Страдая от плохого здоровья, он был освобожден в апреле 1946 года. В последний раз он видел свою родину в дни славы Третьего рейха; теперь большая ее часть лежала в руинах после войны, которую он пытался предотвратить. Вернувшись в родной город, он нашел работу на небольшом заводе в качестве химика-технолога. Но вкус евреев к мести все еще не был удовлетворен, и всего через год после выхода на свободу он был снова арестован так называемыми "де-нацификационными" чиновниками в Баварии по прозрачно лживому, совершенно бездоказательному обвинению в близких связях с Адольфом Гитлером, которые оккупационные власти считали преступными.

Кун был заключен американскими следователями по военным преступлениям в концентрационный лагерь Дахау на неопределенный срок. Молодая девушка Хедвиг Мюнц, работавшая на объекте ВВС США, пожалела больного человека, постаревшего не по годам от забот и жестокого обращения, и вывела его за руку через парадную дверь лагеря. Выражая джентльменскую благодарность Хедвиг, он, тем не менее, казался

равнодушным к собственному неожиданному освобождению. Не оказав никакого сопротивления при его захвате шесть месяцев спустя, бессердечные чиновники вернули его с наступлением зимы в неотопливаемый Дахау. Наконец, в 1950 году его освободили, посоветовав вернуться домой и умереть. Десять лет заключения действительно сломили его прежде крепкую физическую форму. В возрасте пятидесяти пяти лет Фриц Кун скончался в Мюнхене, городе, где родились он и его Идеал, 14 декабря 1951 года под звуки любимой рождественской песни "Тихая ночь".

Его смерть прошла практически незамеченной для всего мира, который в то время был занят другими проблемами. Молодые американские солдаты погибали от рук небелых коммунистов в Корее, первой в длинной череде войн.

